

Реальность как художественный образ

«Только действительность имеет право быть неправдоподобной, искусство – никогда».

Эмиль Верхарн

Творчество Аркадия Курдикова – одна из вершин авторской фотографии Брянска, и, более того, я думаю, что не ошибусь, если отнесу его к заметным мастерам современного российского фотоискусства. Об этом говорят и его многочисленные тематические выставки и фотопроекты, и участие в экспозициях регионального, Всесоюзного и Международного уровней, Дипломы Лауреатов и первые премии на престижных фотоконкурсах... Что привлекает к его работам зрителей, почему на свободных выставках именно у его фотокомпозиций можно увидеть посетителей? Прежде всего потому, что в них всегда присутствует художественная образность. У Курдикова почти нет проходных фотографий и даже в, казалось бы, мимолетных «фотозарисовках» существует та «изюминка», с которой начинается искусство.

Настоящий альбом открывается автопортретом художника со странным, на первый взгляд, названием «Сальери», который сразу же делает заявку на художественность этого издания. Автор не боится примерить на себя маску отрицательного литературного персонажа. Возникает вопрос: почему не Моцарт, а Сальери? Ответ прост: Моцарт только жертва, а Сальери – фигура глубоко трагичная, натура мятущаяся, сомневающаяся, в нем идет внутренняя борьба. Он обрекает себя на вечные душевные муки и не принятое никем раскаяние. Словно из небытия веков смотрит он на зрителя. Затемняя фрагменты портрета, художник «превращает» современную прическу в букли парика 18-го столетия, обычная вязаная куртка таинственно мерцает золотыми блестками старинного камзола. В одной композиции сошлись история и реальность, но чувства и переживания человека неподвластны времени и не зависят от того, в какую эпоху он родился...

Но как «появляется» художник? Что заставляет начинающего автора обратить свое внимание на кисть, резец или фотоаппарат, которые становятся и в дальнейшем его неизменными спутниками? Эти вопросы всегда занимают зрителя, что вполне объяснимо, так как искусство – это таинство, и, конечно же, хочется понять, что послужило толчком или поводом, которые и «разбудили» дремавшие до определенного момента желания и способности. Чаще всего это бывает случайностью, и рассказать о ней может только сам художник, поэтому и предоставим слово ему.

Курдигов: « В 1960-м году мне было немного за двадцать и я учился в Минске, в Белорусском институте физической культуры. Получил письмо от матери, где она просила выслать ей мои фотокарточки. Совершенно случайно в поисках фотомастерской я зашел в салон художественной фотографии. Вся обстановка меня поразила: это были бутафорские мебель и вещи, сделанные под старину. Пока я осматривался, откуда-то появился благообразный старичок и, узнав, что мне нужно, сказал: «Маме надо сделать хороший подарок». Примерно около часа он по-разному сажал меня и поворачивал в разные стороны, ставил освещение, а я внимательно следил за его действиями. Фотография просто потрясла меня. Она была сделана в духе фотопортретов известных киноактеров, которые тогда повсеместно продавались в киосках «Союзпечати». Я был изображен вполборота, со взглядом, устремленным вдаль, в пространство... Вместо галстука на рубашке, под воротником, черная шелковая лента. Это был уже не я, а кто-то другой, для меня недостижимый. И вот тогда я понял, что фотография может преобразовывать действительность.

Дальнейшее знакомство с техникой фотографирования продолжилось в институте, где был введен курс по кино - и фотоделу (в помощь анализу спортивных соревнований). Вернувшись в Брянск, я занялся педагогической деятельностью, а в свободное время стал посещать фотоклуб при редакции газеты «Брянский рабочий». В эту редакцию я и представил свои первые

фоторепортажи. Их приняли. Так началась моя карьера фотокорреспондента. Потом последовало сотрудничество с редакциями других газет...

В начале 70-х годов я организовал фотостудию «Смена» при Бежицком доме пионеров. И здесь меня ждала счастливая случайность. Рядом с фотостудией находился класс изобразительного искусства, где вел занятия художник Николай Гриднев. Кстати сказать, многие его ученики стали потом профессиональными живописцами, членами Союза художников СССР – России. Именно там я получил навыки изобразительных основ – композиции, цветовидения, изучил влияние свето-воздушной среды...»

Знания, приобретенные в изостудии, попали на благодатную почву. Аркадий Курдинов обладает изначальным, видимо, врожденным органичным даром композиции. Это есть или этого нет. Мне как искусствоведа часто приходится сталкиваться с художниками, которые, например, прекрасно «понимают» цвет, но при всей «цветоносности» их работы остаются на стадии подготовительных этюдов, у других на первое место выступает обостренное чувство ритма, но, опять-таки, без композиционного построения в их полотнах есть незаконченность... А что такое композиция? Если сказать упрощенно, то это равновесие фигуративных частей, красочных «пятен», тональных переходов..., то есть гармония новой изобразительной «действительности». И создать ее могут очень немногие. Курдинов сразу и возможно, даже интуитивно ищет и находит эту основу, поэтому его фотографии и воспринимаются единым целым, завершенными произведениями. И не секрет, что многие достаточно известные мастера изобразительного искусства, используют в своих работах фотокомпозиции Аркадия Курдинова, потому что в них уже найдено главное – цельность.

Художник никогда не состоял и не состоит ни в каких творческих фотосоюзах или фотообъединениях, он всегда шел только своим путем и, наверное, это во многом и повлияло на возникновение индивидуального, не похожего ни на какой другой изобразительно-художественного стиля, в основе которого - реальность, не «испорченная» фантазией автора. Поэтому

он и не признает ни фотошопа, ни «изогелия», ни комбинированной печати с нескольких негативов, ни каких-то других технических «добавок», так распространённых сейчас среди тех, кто увлекается творческой фотографией. «Кадр должен быть сделан с натуры, - говорит Курдинов. – В этом и заключается мастерство фотохудожника: превратить обычную житейскую ситуацию в художественное произведение».

Он один из тех немногих, современных авторов, кто предпочитает, в основном заниматься не цветной, а черно-белой (тоновой) фотографией. Ее лаконизм, строгая выразительность как нельзя лучше определяют непосредственность художественного образа – не надуманного, не привнесённого откуда-то извне, а идущего из глубины подсознания художника, отвечающего его внутреннему ощущению и восприятию окружающего мира.

Еще одна сторона дарования Курдинова – поэтичность и одновременно философичность его образов, которые просто не могут оставить зрителя равнодушным. Для примера остановимся на диптихе «Листья желтые...». В обеих композициях мы видим одну и ту же липовую аллею, но как по-разному интерпретируется этот натуральный мотив. В первой композиции под названием «Клавиатура осени» яркие, но уже не греющие солнечные лучи проникают сквозь поредевшие кроны деревьев и на землю от их стволов ложатся почти ровные черные тени. Чередуясь с солнечными бликами, они начинают напоминать клавиши рояля. Из легких дуновений ветра и перешептываний опадающей листвы рождается ни с чем ни сравнимая мелодия осени... Вторая фотография - «Последний штрих осени» более прозаична – дворник сметает с дорожки последний лист. Смысл понятен – все проходит... Память непроизвольно подсказывает где-то давно вычитанную и почти забытую фразу: «Праздник кончился, и дождливым утром дворники снимают флаги...»

В жанровых композициях автор достигает той доли обобщения, при которой частный эпизод может стать особенно проникновенным и даже

иметь социальный подтекст. В этом плане показательна работа «Там, за горизонтом...» Я уже писал о ней в одной из своих публикаций о художнике, и поэтому, чтобы не пересказывать ее заново и по-другому, я процитирую выдержку из той статьи: «Строгим отбором изобразительных компонентов, «выстроенностью» перспективы и, главное, вкусом и чувством меры он может поднять рядовой жизненный сюжет до высокого обобщения, повышенной художественной выразительности. (...) Дорога, уходящая в даль, и тяжело шагающая немолодая женщина в валенках и дорожным посохом в руке... Автор: «Я долго шел следом, пока не удалось «поймать» нужный момент, нужное состояние». И образ состоялся – перед зрителем уже не просто изображение конкретного человека, а обобщенный образ многострадальной русской деревни. В какой-то мере ему созвучны известные блоковские строки:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви!

(буклет «Фотохудожник Аркадий Курдилов
«Лики России». – Брянск, 1997)

С ней по-своему перекликается работа «В начале этого века (как и столетия назад)», проникнутая щемящей любовью к российской глубинке, а значит, и ко всей России. Пасмурный день в середине весны. Бездорожье. На фоне ничем не примечательного пейзажа с однообразными перелесками и неуютно оголенными деревьями крестьянская лошаденка, запряженная в сани, с трудом преодолевает холмистую местность с остатками снежного покрова. Есть в ней что-то по - саврасовски интимно-проникновенное. Наверное, именно так мог воспринимать действительность русский художник-передвижник последней трети 19 века. И это не совпадение. В некоторых работах Курдилова так или иначе прослеживаются ассоциации с известными произведениями изобразительного искусства, но это не внешнее

подобие, а внутренняя связь. Иногда эта связь подчеркивается уже в самих названиях композиций («В духе старых мастеров», «Портрет»), а в работе «Вспоминая Михаила Нестерова» в изображении Валаамского старца даже угадываются черты знаменитого нестеровского «Пустынника», что говорит о точном, остром глазе мастера, который видит то, мимо чего другие проходят с «закрытыми» глазами.

Эту способность сделать «невидимое» видимым особенно наглядно демонстрирует композиция «Хорошая песня, или Внимательный слушатель». С таким неподдельным интересом и даже несколько иронично памятник «наблюдает» за происходящим вокруг него.

Совсем по-иному решаются «Кумушки». Здесь на первое место выступают контр-освещение и силуэт и сам «дуэт», спорящих о чем-то бабушек, напоминает представление театра теней. Ничего лишнего, никаких бытовых подробностей, но сколь выразительна сама сценка: контуры лиц, постановка фигур, активность жестов могут сказать нам больше объемного «повествовательного» изображения.

Пейзаж. Но прежде чем перейти к разговору об этом жанре, совершим короткий экскурс в историю. В свое время в редакцию одного из столичных журналов начинающий автор принес свою поэму. Редактор прочитал ее, написал на полях, что нет драматизма, и передал для ознакомления А.С. Пушкину, который ниже редакторских слов оставил свое резюме: «А значит и не поэт!» Я не ручаюсь за дословность моего пересказа этого случая, но смысл, надеюсь, передал точно. Да, драматическое начало необходимо каждому творческому человеку, будь то поэт, живописец или фотохудожник, но обладают им единицы. У Курдикова оно присутствует во многих произведениях, в частности, в пейзаже.

Его пейзаж многолик: ландшафтный, городской, сельский, архитектурный, лирический, эпический... Но есть между ними и связующее звено – критическое состояние природы: затишье перед бурей, внезапный и мгновенный порыв ветра, кульминация грозы... В композиции «На косогоре»

«Последнее лето» - береза, наклонившая свой старый разветвленный и многострадальный ствол под тяжестью лет и пережитых невзгод. Она уподобляется человеку, отдающему прощальный поклон всему живущему на этой земле. А в работе «Над обрывом» художник запечатлел последние мгновения жизни дерева – дожди и ветры оголили его корни, но оно каким-то чудом все еще продолжает удерживаться на крутом склоне...

А можно ли посредством простого, хоть и выразительного пейзажного мотива передать библейскую тему? Оказывается можно, если присутствует талант. В композиции «Преображение» прослеживается явная параллель с эпизодом из Библии о Преображении Христа, когда тот, поднявшись вместе с учениками на гору Фавор, предстал перед ними «в сиянии небесной славы». Вот как повествует об этом евангелист Лука: «И во время молитвы лицо его изменилось, а одежда стала сверкающей белизны». В пейзаже показано раннее осеннее утро. Из-за тучи прорвался единственный яркий луч света, и очертания монастыря вдали вдруг осветились и сделались реально-ирреальными, а все происходящее приобрело мистическое и даже в чем-то поистине космическое значение. И мы, зрители, в какой-то мере уподобляясь апостолам, с удивлением и даже изумлением наблюдаем за этим необычным явлением природы. Так и хочется процитировать стихи Б. Пастернака, написанные к этому христианскому празднику:

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

Тишиной, покоем, патриархальной размеренностью и правильностью жизненного уклада веет от работы «Колокола». Художник сумел найти композиционное равновесие, совместив в одном кадре резное совершенство деревянной балюстрады, спокойную величественность православного храма, увиденного с верхней площадки звонницы, и литые объемы колоколов. Но

спокойствие здесь кажущееся, в любую минуту оно может быть нарушено тягуче-медным голосом колокольного звона, и в нем мы услышим Время...

И если уж мы коснулись религиозной и, в частности, православной тематики то следует вновь возвратиться к жанру, но прежде нельзя несколько слов не сказать о том, как работает художник. Наряду с множеством отдельных фотографий он много сил и времени отдает тематическим циклам, на основе которых впоследствии и «строятся» его персональные выставки. Их так много, что даже трудно все перечислить: «Лики России», «Мой Николай Денисов...», «Мастера», «Лики Полесья», «Светопись», «Академик Казаков»...

Целых три цикла - «Святая обитель», «Образа» и «Валаам» он посвятил православию. На его снимках можно увидеть священнослужителей, церковные обряды, соборы, монастыри, святые места..., но большая их часть имеет жанровое содержание.

Обратившись к фотографии под названием «Ничто человеческое...», зритель, конечно же, сразу и дополнит эту фразу: «...им не чуждо». Не только божье, но и человеческое. Священник прогуливает ребенка в коляске и одновременно читает книгу. Что может быть прозаичнее этого сюжета, невзначай «подсмотренного» автором? Обычная житейская сценка, а вот берет за душу, останавливает взгляд. Это и есть то самое, «человеческое», что и делает работы Курдикова притягательными и близкими каждому. Или «Наследник». Батюшка, который давно уже перешагнул рубеж среднего возраста, держит на руках малолетнего сынишку. Сколько же любви и гордости читается в его глазах!

При всей разножанровости его произведений для себя художник прежде всего выделяет портрет. В одном из интервью на вопрос, чем его привлекает именно этот жанр, Курдинов ответил: «Психологизмом, внутренним миром человека – без него все вокруг мертво. Человек разнолик: он может быть добрым и злым, прямодушным и хитрым, но это все его ипостаси. Вот этим разнообразием он и интересен».

Один из самых запоминающихся циклов Курдикова, состоящий в основном из портретов и «выдержавший» несколько выставок, - «Лики России». Он был начат еще в начале 90-х годов прошлого века, но работа над ним идет и сейчас и наверняка будет продолжена и в дальнейшем – тема неисчерпаема. Моделями становятся люди разных возрастов и различного социального положения - от ученых с мировым именем и широко известных представителей искусства до простого, ничем не примечательного человека с его совсем не глобальными проблемами и чаяниями. Художник не делает разграничений между ними, ему интересен каждый, и в каждом он стремится отыскать то единственное и неповторимое, которое и отличает его от остальных.

Своеобразным анонсом или заставкой этого цикла могла бы служить (да и служит на плакатах и обложках буклетов к выставкам) композиция «...И светла от берез Россия». Женский портрет на фоне белоствольных берез, с которыми в нашем сознании ассоциируется образ нашей Родины. Портрет-обобщение, портрет-символ. Кажется, в нем выражено все обаяние юности и женственности. И выбивающиеся из-под платка русые волосы, и этот взгляд, и эта улыбка, непосредственные в своей простоте и искусственности, оставляют ощущение особой чистоты и какого-то скрытого от посторонних душевного движения.

В композиции «Перед Богом» два действующих «лица» - женщина и свеча. Глаза этой прихожанки нельзя придумать. Когда смотришь в них, то понимаешь: ей есть о чем просить Всевышнего. Колеблющееся пламя свечи, как надежда, такое же эфемерное и материально-иллюзорное.

Вообще женские образы в творчестве художника – разговор особый. Композиция «В духе старых мастеров», «Взлет бровей очертаньем крыла...», «Когда тебе шестнадцать» и др. проникнуты восхищением автора и его желанием передать неуловимую изменчивость таинственной женской души.

И как контраст – портрет ветерана-афганца в инвалидной коляске («Держись, старшина...»), лицо которого словно озарено бесшабашной

улыбкой... И зритель испытывает двойственные чувства: с одной стороны – сострадание, а с другой – невольное уважение.

Неординарное восприятие вызывает портрет «Ты, моряк, красивый сам собою...» Лихо сдвинутая на затылок фуражка, тельняшка, виднеющаяся в пространстве полураспахнутой рубашки, нетипичные для мужчины солидного возраста, - все выдает в нем человека, способного на непредсказуемый даже для себя поступок, и... обезоруживающая детская улыбка.

Философ, художник и поэт Д. Джебран, соединивший в своем творчестве традиции Востока и Запада, когда-то очень верно заметил: «Искусство – это свободная птица, которая когда хочет – парит в вышине, а когда хочет – опускается на землю...» И это действительно так. Но даже опустившись на грешную землю, казалось бы, в самые нелицеприятные проявления жизни, искусство, если оно делается настоящим художником, остается искусством, и, более того, становится еще острее и пронзительнее. И это подтверждают портреты Курдикова, прообразы которых – люди без определенного места жительства, потерявшие в житейских передрыгах все и потерявшиеся сами.

«Последняя гавань» Из полутемноты то ли подвала, то ли раннего ненастного вечера выступают фрагменты человеческой фигуры – светлыми «пятнами» высвечиваются руки и лицо человека, погруженного в себя и свои мысли (один из приемов автора, когда направленными бликами света он концентрирует внимание зрителя на визуальных акцентах, нужных ему для психологического развития образа). Важным компонентом, на котором держится весь сюжет, у Курдикова часто бывает незначительная, на первый взгляд, деталь, как камертон определяющая «звучание» всего образа. Здесь такая деталь – татуированный рисунок якоря на тыльной стороне запястья портретируемого...

«На паперти». Крупным планом изображено лицо нищего со следами бурной биографии, на которую указывают глубокие, как шрамы, морщины, но сколько ума, хитрости и уклончивости в «схваченном» автором его

мгновенном выражении. Видимо, нелегко было этому персонажу утвердиться на том месте, которое он сейчас занимает.

Дети военного времени... Аркадий Курдилов был одним из них и не понаслышке знает о тяжелом трагическом периоде истории нашей страны (вместе с семьей он оставался на оккупированной территории, побывал во временном концентрационном лагере...), поэтому у него свой взгляд на ветеранов Великой Отечественной войны. Им он посвятил отдельный цикл своих работ (более ста фотографий), которые «оформились» в тематическую выставку «Солдаты Победы», открытую в преддверии 65-летия великой для нас даты.

За каждым портретом чувствуется уважение и бережное отношение к этим людям. Его моделями становились и простые рядовые, и Герои Советского Союза. Их изрезанные морщинами лица и убеленные сединой волосы могут сказать зрителю больше, чем многочисленные ордена и медали на их груди. Это поколение, которому мы обязаны тем, что мы есть. Небольшая статья не дает нам возможности рассказать о каждом портрете, поэтому мы остановимся только на одном - «Один миг и вся жизнь» (портрет П. Е. Ретивых). В нем как будто собраны образы всех защитников нашего Отечества. На мгновение задумавшись, ветеран ушел в себя – мы не знаем, куда уносят его явно нелегкие мысли, возможно, к тем героическим событиям, свидетелем и участником которых он был... Сила обобщения этого портрета такова, что он стал изобразительной и художественной основой известного военно-патриотического плаката А. Зуенко, на котором очень удачно «зазвучала» поэтическая фраза брянского журналиста А. Новицкого:

Давно отсмолила сигарка.

Другую б пора зажигать.

Ни стоном, ни песней, ни чаркой

Из сердца войну не прогнать.

И замыкает этот цикл композиция «Уходящие...», потрясающая, другого, более точного слова не подберешь, своей лаконичностью, простотой и глубиной образа. Только спины ветеранов, уходящих по аллее парка (видимо, после парада в День Победы). И обычная рядовая сцена приобретает значение символа – прощания с ними. Время берет свое...

Уходят в Бессмертье, оставшись в строю,
Солдаты Великой Победы!

(В. Сорочкин)

К военной теме относится и фотопроjekt «Я, Камозин, атакую», знакомящий нас с жизнью и делами дважды Героя Советского Союза, летчика-истребителя П.М. Камозина (на его основе были изданы два альбома). Автору пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать фотоматериалы военных лет. Но главное в том, что в мирное время на протяжении почти тридцати лет, став по существу фотобиографом ветерана (аналогов я не знаю), Курдииков запечатлевал его в разные периоды жизни и в различных обстоятельствах: в кругу семьи и среди почитателей, на рабочем месте и в праздничные дни, на официальных встречах и наедине с собой... И каждый снимок добавлял что-то новое к образу героя.

Среди них следует выделить композицию, где Камозин показан на фоне своего же военного портрета. Она называется одним словом – «Характер». Перед нами человек, уверенный в себе, с жестковатым, нет – жестким характером, на что указывает острый взгляд, плотно сжатые губы, которые трогает чуть заметная саркастическая усмешка, и сильные руки, привыкшие справляться с тяжелой боевой машиной, обладающей своим, еще более своенравным и несговорчивым характером...

Продолжительное время заняла подготовка к одной из самых заметных его экспозиций - «Мастера». Куда должны были войти портреты деятелей искусства и культуры Брянского края: художники и поэты, артисты и музыканты, писатели, искусствоведы, журналисты... Выставка была открыта в 2003 году и сразу же получила теплые отзывы зрителей.

Этот цикл стал для него особым, пришлось общаться и работать с людьми, близкими ему по духу, творчески активными, индивидуально воспринимающими окружающий мир. Также индивидуально следовало подходить к каждому из них. Это не просто портреты талантливых людей, модели не позируют, а раскрываются в своих естественных проявлениях. Но ведь надо было суметь «заставить» их это сделать, и Курдииков блестяще справился с такой трудной задачей.

Раздумье о чем-то своем очень личном – лейтмотив портрета Народного артиста Л. Кулагина («Без грима»); какой накал чувств в прищуренных глазах Народного художника А. Курнакова, который, мы понимаем, может вот-вот «сорваться» и наговорить колкостей своему оппоненту («Острая тема»); некоторая прострация, расслабленность и даже растерянность в лице и положении рук художника Б. Зубарева («Не получается»); как много может сказать не только посвященному, но и нам тоже жест руководителя и дирижера академического хора М. Бустилло («Чуть выше...»); сколько юношеского восторга в самом движении фигуры и в мимике лица на портрете писателя Я. Соколова («Еще одна весна...»); у нас у всех много лиц, но главное все-таки одно, не всегда открытое для других, и Народный художник Ю. Махотин в этом не исключение: доброта и внимательный взгляд - вот то, что делает запоминающимся его портрет («Основное лицо»)...

Существует расхожая фраза о фотохудожниках, что «они не живут, а только наблюдают за жизнью». Может быть, это и так, но уж никак не относится к нашему автору. Сделать такие снимки под силу только равнодушному человеку. Это не наблюдение за жизнью, а сама жизнь.

Иногда его портреты приобретают иной подтекст, отличный от первоначального замысла. И здесь соавтором заявляет себя Время. Прижизненный портрет Н. Поснова («И снова «Здравствуйте!»), где тот выходит на сцену, подняв в приветствии руку, становится не просто данью

ему и его творчеству, но и возвращает их нам, читателям. Таким мы его и запоем по фотографии Аркадия Курдикова.

Рассказ о цикле «Мастера» мне хочется закончить своими же словами из вступительной статьи к альбому художника с тем же названием: «Часто бывает так: осмотришь экспозицию, покинешь выставочный зал и тут же забудешь о том, что видел. И совсем другое дело после встречи с фотокомпозициями Аркадия Курдикова. Почему? Потому что каждый его портрет – небольшая новелла, за которой не просто человек, но его характер и даже судьба».

В творческом активе мастера - сотни фоторабот и не один десяток тематических циклов. Трудно, а практически и невозможно рассказать о хотя бы знаковых фотокомпозициях Аркадия Курдикова, вошедших или не вошедших в настоящее издание, ведь художественной фотографии, которая стала для него профессией и увлечением, он посвятил более сорока лет. Курдиков вписал свою запоминающуюся страницу в историю и развитие брянского и российского фотоискусства, в чем зритель сможет убедиться, познакомившись с его альбомом.

В. Рысюков, искусствовед,
Член Союза художников России,
Заслуженный работник культуры российской федерации